

УДК 82-32

**ЖАНР КАЛЕНДАРНОГО РАССКАЗА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА:
СЮЖЕТ О «ВИЗИТЕРАХ»**

© Козлова Яна Олеговна

аспирант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет»

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Контактный телефон: 89137755911

E-mail: aworknsk@yandex.ru

В статье выявляются видоизменения жанра календарного рассказа, рассматривается его бытование в периодической печати конца XIX в., анализируются несколько ранних новогодних рассказов и новелл А. П. Чехова с определенным сюжетным наполнением, приуроченным к светскому или церковному календарю, в которых действующими лицами оказываются «визитеры» — мелкие чиновники, вынужденные по долгу службы наносить визиты «значимым лицам» на Новый год, Рождество, Пасху, именины и т. п. Наш интерес обусловлен малоизученностью подобного сюжета в контексте творчества писателя. В сопоставительной таблице представлены характерные черты, свойственные новогодним рассказам и новеллам А. П. Чехова, позволяющие наглядно продемонстрировать их жанровые особенности и изменения, которые претерпел жанр новогоднего рассказа в творчестве писателя.

Ключевые слова: календарная словесность; календарный рассказ; новогодний рассказ; новелла; сюжет о «визитерах»; раннее творчество Чехова; периодическая печать; юмористические журналы.

Под термином «*календарная словесность*» мы понимаем произведения, обладающие определенным сюжетным наполнением и приуроченные к конкретному времени года или празднику. В большинстве случаев календарная словесность коррелирует с народным сельскохозяйственным календарем, однако в период расцвета жанра существовали и другие календарные системы.

Е. В. Душечкина отмечает, что характерной чертой русской культуры является сосуществование сразу нескольких календарных систем: церковной, государственной, или светской, и аграрной [2]. И если в фольклоре и литературе XVII века, еще до оформления литературного жанра календарного рассказа, характерными свойствами календарных текстов являлись: а) привязанность к конкретной дате; б) определенный сюжетный вариант жанра (например, на Зеленой неделе или, как ее еще называли, Русалочьей, нарраторы рассказывали былички и бывальщины о происках русалок и водяных); в) глубокое эмоциональное воздействие на слушателей, — то к началу XIX века календарный рассказ начал видоизменяться. В частности, удлинялся сюжет, добавлялась познавательная функция и ориентация на психологическую прозу, все сверхъестественные события получали реальное объяснение. Образцы подобного жанра встречаются в творчестве русских романтиков, например, у А. А. Шаховского, М. П. Погодина, А. А. Бестужева и др.

Творчество А. П. Чехова, в частности, группа его ранних рассказов, вполне укладывается в традицию календарной словесности. Не секрет, что писатель был тесно связан с периодической печатью [«Осколки», «Будильник», «Зритель», «Стрекоза»; с «Петербургской газетой» и др.], которая, в свою очередь, не могла

обойти стороной подобное явление. В газетах и журналах 1880-х гг. целые полосы отводились под сценки, юморески, новеллы, рассказы, фельетоны и пародии, посвященные Рождеству, Новому году, Пасхе и другим церковным и крупным светским праздникам. Пресса ориентировалась на массового читателя, которому были несомненно интересны такие публикации: несмотря на то что связь между фольклором и городской жизнью значительно ослабла уже к началу века, она так и не исчезла окончательно. Е. Р. Секачева отмечает, что из-за массового притока деревенских жителей в города в 1880–1890-е гг. образ жизни и менталитет городских низов был близок сельскому с его во многом фольклорной картиной мира [4, с. 70]. Чехов как автор упомянутых изданий во многом был обязан удовлетворять требования читателей и регулярно предьявлять на суд публики сезонный и календарный материал.

Насчитывается свыше шестидесяти рассказов, сенок и зарисовок писателя, которые можно отнести к календарным. Среди них встречаются такие известные массовому читателю произведения А. П. Чехова, как «Ванька» (1886), «Святой ночью» (1886), «Воры» (1890), «Студент» (1894), «Архиерей» (1902), так и распространенные в узких кругах новеллы и рассказы «Петров день» (1881), «Встреча весны» (1882), «Елка» (1884), «Красная горка» (1885), «Восклицательный знак» (1886), «Сон» (1888) и т. д. Е. В. Душечкина подчеркивает, что внушительное количество приуроченных к календарным праздникам произведений свидетельствует о «внутренней, вполне органичной потребности Чехова считаться в своем творчестве с календарем и острым переживанием им календарного времени» [2, с. 219]. Однако напомним, что жанровый канон календарного рассказа к концу XIX в. претерпел значительные изменения даже в сравнении с его бытованием в 1820–1830-е гг.

Писатели, обращавшиеся к жанру святочного или рождественского рассказа в изучаемый нами период, нередко иронически или даже сатирически изображали те или иные праздничные ритуалы (например, традицию колядовать или рядиться), подтрунивали над мещанским бытом, обращались к литературной пародии. А. П. Чехов был в их числе. Достаточно вспомнить его пародию на «страшную» святочную бывальщину «Страшная ночь» (1884), в которой неким Панихидину и Погостову в ночь перед Рождеством прислали настоящие гробы, отчего те едва не сошли с ума. «Говорящие» фамилии (Трупов, Панихидин, Черепов, Упокоев), мистицизм (Панихидин ночью посетил спиритический сеанс, где дух покойного Спинозы предсказал ему скорую смерть), типичные романтические штампы (темная ночь, завывание ветра, вера героев в приведений, леденящие кровь описания треволнений персонажей) и банальная бытовая развязка позволяют разглядеть чеховскую насмешку над «мертвым» трафаретом романтического святочного рассказа.

Среди календарных произведений, написанных А. П. Чеховым, можно выделить комические новеллы и юморески на новогодние темы, которые писатель активно рассылал в юмористические журналы («Осколки», «Стрекоза», «Будильник») и сам называл их «новогодними побрехушками». Эти произведения оказались практически не исследованными учеными, в отличие от его более зрелых календарных рассказов (например, «Святою ночью» (1886) или «На пути» (1886), которые автор посылал в более «солидные» журналы с «серьезной» репутацией).

В корпусе таких календарных зарисовок оказалась особая группа текстов, где встречается сюжет о «визитерах» — людях, которые по старинному обычаю обязаны были почтить своим присутствием distinguished господ на Новый год, Рождество и именины. Нам удалось обнаружить несколько таких произведений, написанных в период с 1883 по 1887 г.: «Орден», «Раз в год», «Новогодние великомученики», «Новогодняя пытка», «Праздничная повинность», «Визитные карточки».

Последняя юмористическая зарисовка стоит несколько обособленно от остальных, так как в ней отсутствует действие как таковое, а сюжет строится на знакомстве читателей с визитными поздравительными карточками персонажа, которые прислали ему доброжелатели и знакомые на Новый год исключительно для того, чтобы, по мнению рассказчика, «почтальон сбил новые подметки и лишний раз подмигнул моей горничной» [8, с. 283]. Далее мы знакомимся с именами приславших эти карточки. Для создания иронического подтекста и юмористического модуса писатель прибегает к одному из своих любимых литературных приемов — «говорящим» фамилиям. Так, мы можем познакомиться с надворным советником и кавалером Геморроем Диоскоровичем Лодкиным, загадочной дамой Дизентерией Александровной Громоздкой и прочими «примечательными» лицами. Конечно, Чехов написал эту «безделицу» исключительно в увеселительных целях, она не могла быть напечатана в крупном издании, однако он не случайно затрагивает тему изжившего себя обычая наносить визиты.

В рассказе «Раз в год», в отличие от новелл о «визитерах», события приурочены не к празднованию Нового года, а к именинам героини — старой княжны, которая, нарядившись в лучшее кисейное платье и приколов к груди розу, с нетерпением поджидает визитеров-поздравителей, которых должно прийти не менее двадцати человек. Ради их визита дом прибран и вычищен, швейцар Марк обряжен в изъеденную молью ливрею, а «кошка с котятками и цыплята заперты до вечера в кухню» [6, с. 135]. Обращает на себя внимание «чеховская» деталь, говорящая, с одной стороны, о тщательности приготовлений встречи с гостями, а с другой — о былой роскоши и могуществе княжеского дома: старая ливрея прислуги с гербовыми пуговицами, роза на тощей груди именинницы, обветшалое, но несомненно дорогое когда-то платье. Сюжетный конфликт носит драматический для старой княжны характер: к героине, как и в прошлые годы, никто не является. Тогда она отправляется в спальню, где нюхает нашатырный спирт и жалуется, что ее все забыли, тогда как без ее стараний «из них ничего бы не вышло!» [Там же, с. 136]. Ее горячо поддерживает верный лакей Марк, полагая, что люди «испортились» и что каждый сверчок должен знать свой шесток [Там же, с. 135]. Чтобы смягчить участь любимой хозяйки, Марк уговаривает ее племянника, повесу Жака, за пятьдесят рублей нанести визит тетушке.

Данное произведение вполне демонстрирует зарождение нового «чеховского» рассказа, в котором, по мнению Г. П. Бердникова, преобладают типичные для стиля писателя простота и безыскусственность, будничность ситуаций, однако в то же время наблюдается анализ жизненных ситуаций и положений, в результате которого юмористическое начало при ближайшем рассмотрении оказывается окрашенным в истинно драматические оттенки [1, с. 122]. Старая княжна оказалась всеми забытой и никому не нужной, даже своему ближайшему родственни-

ку, который помнил про нее, пока она могла дать ему рекомендации в обществе и оказать финансовую помощь. Таким образом, уже в самых ранних «пестрых» рассказах Чехова прокрадывались нотки свойственного его зрелому творчеству психологизму.

Однако не во всех ранних календарных текстах А. П. Чехова встречаются подобные лиричность и глубокая задумчивость. Большинство из них написано ради забавы и увеселения читателей. В них высмеивается раболепие мелких чиновников, которые боятся своих начальников и вынуждены наносить им визиты и расписываться в специальном листе в передней. Иногда служащие пытаются «бунтовать» и отказываются от посещений благодетелей, но все их попытки заканчиваются крахом: герои худеют, бледнеют, тают на глазах и дрожат от ужаса, думая, что обидели то или иное «значительное лицо» и что на их карьере (даже на всей жизни в целом!) будет поставлен крест.

Новогодние рассказы А. П. Чехова обладают рядом жанровых особенностей: они приурочены к светскому календарю (Новый год), наделены «говорящими» фамилиями (Пустяков, Спичкин, Леденцов в новелле «Орден»; Лягавая-Грызлова, Окуркин в новелле «Праздничная повинность»), имеют сходную завязку (нанесение визита). Цель визитеров — почтить вниманием власть имущих, проявить показную любезность. Так, в новелле «Новогодняя пытка. (Очерк новейшей инквизиции)» инициатива нанести визит уважаемым господам принадлежит не самому персонажу, а его жене, поскольку «Федор Николаич дал тебе денег взаймы, брат Петя так любит всю нашу семью, Иван Андреич нашел тебе место, а ты!.. ты не чувствуешь!» [9, с. 7]. Чаще всего чиновники боятся потерять место, если не поздравят своих начальников (новелла «Праздничная повинность»), а также всеми силами стараются произвести благоприятное впечатление на вышестоящее должностное лицо, пусть даже для этого им придется надеть на благотворительный обед чужой орден «Станислава» (новелла «Орден»).

Заглавия рассказов имеют иронические коннотации: «Новогодняя пытка», «Праздничная повинность» и др. — что указывает, скорее, не на радость от наступления Нового года, а на ужасы служебной повинности. Недаром новелла «Новогодние великомученики» начинается со слов: «На улицах картина ада в золотой раме» [8, с. 279].

Все персонажи новелл и рассказов — мелкие чиновники: коллежские регистраторы, учителя французского языка, старшие советники губернского правления и т. п. Они попадают в неловкие ситуации (например, как Пустяков, один из персонажей новеллы «Орден», надевают чужие ордена на новогодние обеды, чтобы казаться более представительными) — чаще всего Чехов прибегает к комизму положений. Мы узнаем об «ошалевшем» чиновнике, который так устал от визитов, что замертво упал на мостовой, однако сразу же после оказания врачебной помощи отправился и далее наносить визиты, опасаясь недовольства начальства («Новогодние великомученики»): «<...> не сходи к Наталье Егоровне, так жить не захочешь... Уж вы меня отпустите, г. доктор, не невольте...» [8, с. 281]. В другой новогодней новелле «Новогодняя пытка. (Очерк новейшей инквизиции)» чиновник готов «с отчаянья броситься в горящий камин» [9, с. 9] — настолько ему опостытели бессмысленные разговоры, непрекращающиеся попытки напоить и накормить явившегося гостя, одолжить взаймы крупную сумму денег. Последней каплей для несчастного персонажа стало неуместное признание в любви

от кухни, неприятно поразившее его. Наконец, в «Праздничной повинности» конфликт обусловлен осуждением младшего поколения старшим: «За предрассудок почитают... Леня старшего почитать, с праздником его поздравить, вот и предрассудок. Нынче ведь старших за людей не считают...» [7, с. 157].

В новогодних рассказах и новеллах писателя тщательно воссоздан вещный контекст, можно говорить о «чеховской детали»: чужой «Станислав», «Анна» 3-й степени, орден Владимира 4-й степени («Орден»); лицо княгини желтолимонного цвета, большое кресло благодетельницы, ожидающей визитеров («Праздничная повинность»); фалда бегущего коллежского регистратора, снующие сани и кареты, «Станислав» 3-й степени («Новогодние великомученики»); «нацепленный на шею Станислав», «закрученные штопором усы», «надушенный платок» [9, с. 7].

Наконец, еще одной жанровой особенностью, отличающей анализируемые произведения, является комическая развязка. Так, новелла «Орден» оканчивается сетованиями коллежского регистратора Пустякова на то, что он не нацепил себе целого чужого «Владимира», а ограничился лишь «Станиславом», потому что на праздничном обеде у купца Спичкина увидел знакомого, так же щеголявшего с не принадлежавшим ему орденом: «И то был не Станислав, а целая Анна! Значит, и француз сжульничал!» [6, с. 305]. В «Новогодних великомучениках» чиновники все-таки решают отправиться на поклон к «ведьме» Лягавой-Грызловой из страха лишиться должности [7, с. 158], а жена несчастного чиновника — персонажа новеллы «Новогодняя пытка. (Очерк новейшей инквизиции)» — читает ему нотации за то, что «от вас вином пахнет, что вы не умеете толком рассказать, какое на Леночке платье, что вы — мучитель, изверг и убийца...», а затем и вовсе падает в обморок, почувствовав духи кухни, вынуждая истерзанного мужа бежать за доктором [9, с. 11].

Таким образом, мы обратились к малоизученным новогодним новеллам А. П. Чехова, написанным им в период с 1883 по 1887 гг., выявили их жанровые особенности и кратко рассмотрели изменения, которые претерпел жанр календарного (новогоднего) рассказа в раннем творчестве писателя.

Литература

1. Бердников Г. П. А. П. Чехов. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. 637 с.
2. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 258 с.
3. Одесская М. М. Чехов и проблема идеала. М.: РГГУ, 2011. 495 с.
4. Секачева Е. Р. Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX в. // Новый исторический вестник. 2007. № 5. С. 67–74.
5. Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1987. 184 с.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М.: Наука, 1975. Т. 2. 584 с.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М.: Наука, 1975. Т. 3. 624 с.
8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4. 552 с.
9. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 6. 736 с.
10. Цилевич Л. М. Сюжет чеховского рассказа. Рига: Звайгзне, 1975. 238 с.

THE GENRE OF CALENDARIAN TALE IN A P. CHEHOV'S PROSE:
THE PLOT ABOUT "VISITORS"

Yana O. Kozlova

Ph.D. Student of Novosibirsk State University

Scientific Supervisor, DLitt, associate professor Sinyakova L. N.

Russia, 630090, Novosibirsk, 1, Pirogova St.

Contact number: 89137755911

E-mail: aworknsk@yandex.ru

The article determines modifications of the calendarian tale genre, also it is reviewed its existence in periodical press of the late XIXth century, some early Christmas tales and novels with specific narrative filling and coincided with secular or church calendar are analysed too, there are "visitors" — minor officials, who have to visit some "important officials" for New Year, Christmas, Easter, name's day and etc. Our interest is due to the little knowledge of such the plot in the context of the writer. The comparative table demonstrates specific features of Chehov's Christmas tales and novels that let to represent clearly genre characteristics and changes that happened in Christmas tale genre of the writer. *Keywords:* calendarian philology; calendarian tale; Christmas tale; Christmas; novel; A. P. Chehov; plot about "visitors"; early writing of Chehov; periodical press; humour magazines.